

Глава 1. Тоска разлуки уступает встрече

Зимой тридцать седьмого года правления под девизом Лунчжэн в путевом дворце на горе Сяньян скончался император Хуэйлун.

Великий генерал Фу Юаньтай, умиротворитель дальних рубежей, спешно вернул свои войска в столицу от самой заставы Медной Горы, преодолев тысячи ли. Объединившись с начальником императорской гвардии Жуй Жуном и принцем Чжуаном, Чун Яньцзи, он принял последнюю волю усопшего владыки. Назначенные регентами, они объявили Поднебесной: на престол восходит двенадцатый принц Чун И. Новую эру правления нарекли Юйчэн.

Гора Сяньян. Боковые покои Зала Императорской Благодати

От шелковых портьер до внешних галерей — везде, куда ни брось взгляд, плотными рядами стояли на коленях люди. Шестнадцать принцев, столпившись у ложа усопшего императора, заходились в рыданиях. Великий генерал Фу Юаньтай первым справился с горем. С трудом уняв слезы, он протянул руку и бережно поднял двенадцатого наследника.

— Ваше Величество, вы приняли бремя власти, — негромко произнес генерал. — Государственные заботы не терпят отлагательств, каждое решение теперь за вами. Не истязайте себя скорбью. Матушка-императрица уже ждет вашего прибытия.

Жуй Жун едва заметно махнул рукой, и юркие слуги тут же пододвинули кресло, украшенное резными драконами. Чун И, однако, упрямо цеплялся за край покрывала, не желая подниматься.

— Отец! — в отчаянии кричал он, захлебываясь слезами. — Открой глаза! Взгляни же на своего непутевого сына!

Чун Яньцзи наблюдал за этой сценой со стороны. В груди его поднималась холодная усмешка.

«И этому юнцу едва исполнилось семнадцать? — подумал он. — Какое лицедейство! Каждая деталь его наряда пожалована покойным братом, но взгляд выдает твердое намерение. Он давно знал, что этот день настанет».

Принц Чжуан посмотрел на старого генерала, который плакал в унисон с юным монархом. Это зрелище лишь усугубило раздражение в его душе.

«Если девятнадцатилетний мальчишка так уверен в себе, за этим наверняка стоит опора на армию. Старик Фу никогда бы не посмел толковать волю небес на свой лад... Значит, они сговорились загодя и генерал давно выбрал, кого поддержит».

Приняв скорбный и покорный вид, Чун Яньцзи шагнул вперед, намереваясь произнести положенные слова утешения. Однако все попытки — и его собственные, и двух других регентов, и многочисленных братьев — оставались тщетными. Юный правитель никого не слушал, терзая себя рыданиями с таким неистовством, словно вознамерился последовать за отцом в могилу.

В какой-то миг принц Чжуан едва не потерял самообладание, но внезапная догадка заставила его осечься. Опустившись на колени перед рыдающим юношей, он громко, отчетливо произнес:

— Ваше Величество являет пример истинной сыновней почтительности и добродетели, коими славился покойный государь! Четыре моря смиренно склоняются пред вашей волей. Взойдите же на престол, дабы править Поднебесной в мире и процветании! Да здравствует император! Десять тысяч лет жизни, десять тысяч лет безграничной власти!

Поступок старого принца мгновенно отрезвил присутствующих. Словно очнувшись от наваждения, сыновья и сановники один за другим склонили головы до самого пола, подхватив славословие. Гул сотен голосов, желавших новому владыке вечного правления, эхом покатился под высокими сводами зала.

Сквозь пелену слез на лице Чун И проступила жесткая, не по годам суровая решимость. Медленно, одного за другим, он окинул взглядом тех, кто склонился у его ног. В тишине, нарушаемой лишь далеким завыванием ветра, его голос прозвучал на удивление ровно:

— Поднимитесь. Оставьте нас. Пусть только трое почтенных наставников займутся необходимыми приготовлениями. Я устал и желаю побыть наедине с отцом.

Первый год эпохи Юйчэн начался в глубоком трауре. Из уважения к усопшему государю и во дворце, и в самых бедных кварталах столицы запретили любые увеселения: не зажигали праздничных огней, не давали представлений на подмостках. Весь Тяньцзин застыл под тяжелым саваном зимних снегов. Над воротами княжеских усадеб сиротливо покачивались белые поминальные фонари. Лишь когда минул положенный срок скорби, обитатели города сменили белые траурные одежды на обычное платье.

Едва траур подошел к концу, молодой император взошел на трон для своего первого полноценного доклада и тут же щедро одарил сторонников титулами и наградами.

Еще при жизни прежний правитель отправил Фу Юаньтая на запад усмирять кочевников, пообещав по возвращении пожаловать ему звание наставника наследника престола. И хотя у юного Юйчэна еще не было собственного преемника, он исполнил волю отца, провозгласив старого генерала великим наставником — императорским учителем.

Впрочем, за внешним почтением нового государя к принцу Чжуану скрывалось глубокое недоверие. Чун Яньцзи пользовался огромным влиянием еще при жизни прежнего императора, который искренне его опасался. Рассудительный, красноречивый, обладающий широким

кругозором и безупречной репутацией, этот человек держал в строгости и себя, и окружающих. Еще в бытность простым принцем он сумел завоевать преданность двора. Единственным противовесом ему оставался клан Фу — прославленная династия воинов, верой и правдой служившая трону с самых первых дней основания империи. Проливая кровь в пограничных сражениях, они заслужили право командовать лучшими армиями Поднебесной.

В нынешнем поколении Фу Юаньтай, с малых лет деливший учебную скамью с покойным Хуэйлуном, приложил все силы, чтобы помочь другу юности взойти на престол. Став императором, тот щедро отблагодарил соратника, а пожаловал Чун Яньцзи титул принца Чжуана с правом передачи по наследству без понижения ранга.

Теперь же, когда на троне сидел неопытный юноша, принц Чжуан взял в свои руки бразды правления в качестве регента. На людях государь и его министр выказывали друг другу полное согласие, однако под этой гладкой водой всюду бурлили опасные течения.

Март второго года Юйчэн. Запретный город, боковой зал Резонирующей Гармонии

Косые лучи весеннего солнца пробивались сквозь резные оконные переплеты, украшенные узором из цветов персика, и золотили подол темно-фиолетового шелкового халата. Юноша лежал на кушетке с закрытыми глазами, погруженный в свои мысли. Тяжелая портьера тихо колыхнулась, в комнату скользнул пожилой евнух. С угодливой, мягкой улыбкой он приблизился к постели молодого господина.

— Владыка десяти тысяч лет, — вкрадчиво прошептал слуга. — Принц Чжуан со свитой уже битый час дожидается в Южном дворце. Вид у старого князя, прямо сказать, грозовой. Быть может, вам стоит...

Молодой император даже не разомкнул век, лишь недовольно наморщил нос и раздраженно фыркнул:

— Грозовой, говоришь? И пусть себе злится. С каких это пор сын Неба должен заглядывать в рот какому-то принцу Чжуану?

Этот евнух, Ван Юаньчэнь, вырос при дворе прежнего владыки, а позже возглавил Департамент императорского двора и перешел на службу к новому монарху. Он слишком хорошо знал крутой и скрытный нрав молодого государя. Даже могущественный принц Чжуан в последнее время вел себя при дворе осторожнее, стараясь лишний раз не провоцировать юношу.

Заметив, что император замолчал, Ван Юаньчэнь замер на месте, не смея нарушить тишину. Прошло немало времени, прежде чем Чун И наконец соизволил приоткрыть глаза.

— Юаньчэнь, — негромко произнес он. — А не навестить ли нам Фу Юаньтая?

— Но Владыка! Если вы покинете дворец прямо сейчас, принц Чжуан наверняка... — Евнух осекся, заметив, как хозяин опасно нахмурился. Он поспешно склонился: — Ничтожный раб сию минуту все подготовит.

Чун И благосклонно кивнул.

— Сделай все без лишнего шума. Я просто хочу проведать захворавшего наставника. А дядюшке передай, будто от старшей принцессы прислали весть: племянник, мол, соскучился и уехал к ней в усадьбу на Западные горы. Возвращаться завтра я не намерен, так что пусть сам решает текущие дела. Все равно он считает себя незаменимым, а меня — пустым местом.

Улица Делюн. Поместье великого генерала

Слуга из передней принес весть: у ворот дожидается дворцовый распорядитель Ван Юаньчэнь в сопровождении некоего юноши, коего отрекомендовали как особо важного гостя. Заслышав это, старый генерал попытался подняться с постели, но его сын, Фу Исянь, мягко удержал отца за плечо.

— Лежите, батюшка. Вы еще слишком слабы после лихорадки. К тому же великому генералу не пристало лично встречать на пороге дворцового слугу, пусть даже и главу Департамента Императорского двора. Я сам обо всем позабочусь.

Фу Юаньтай лишь сокрушенно покачал головой:

— Евнух Ван — тень императора, они неразлучны. С чего бы ему являться в наш дом с тайным визитом, да еще и вести с собой «важного гостя»? Помяни мое слово, это кто-то из августейшей семьи. Юаньчэнь имеет огромное влияние на государя, негоже нам выказывать пренебрежение.

Фу Исянь почтительно улыбнулся:

— Я встречу его со всеми подобающими почестями, отец. Не беспокойтесь.

Для Чун И эта встреча с Фу Исянем не была первой. В детстве, когда принцы обучались грамоте, отпрыски знатных родов часто составляли им компанию. Тогда двенадцатый принц близко сошелся с маленьким Сяошанем. Они были неразлучны: прятали за широкие рукава и за пазуху изысканные лакомства, присланные из императорской кухни, а потом тайком пробирались в затаенные уголки Императорского сада, чтобы съесть их вдвоем. Но после кончины старой госпожи Фу мальчику пришлось покинуть дворец ради соблюдения

пятилетнего траура по бабушке. За эти годы бывший товарищ по детским шалостям превратился в статного, утонченного юношу.

Услышав тихие шаги за порогом, Чун И сразу понял: идет он. На миг в памяти всплыли картины далекого детства: забавный карапуз Сяошань семенит за ним по пятам, шепелявя: «Братец-принц, братец-принц!» А потом — день расставания, когда мальчик, обливаясь горькими слезами, судорожно сжимал его ладонь и умолял: «Пожалуйста, не забывай меня...» От этих воспоминаний у молодого императора неожиданно затрепетало сердце. Он заволновался, гадая, сильно ли изменился его верный друг за прошедшие годы.

Войдя в приемную, Фу Исянь приветствовал евнуха Вана вежливым поклоном и уже собирался пригласить его во внутренние покои, как вдруг заметил стоявшего чуть поодаль юношу. Фу Исянь замер на месте с полуоткрытым ртом, не в силах отвести взгляд. Все правила дворцового этикета разом вылетели у него из головы.

В душе Чун И разлилось тепло. С трудом сдерживая довольную улыбку, он шутливо протянул:

— Что с тобой, Сяошань? Стоишь как вкопанный пред моим взором. Или лихорадка твоего почтенного отца передалась и тебе, лишив дара речи?

— Это... это правда ты, братец-принц? — едва слышно пролепетал хозяин дома.

Ван Юаньчэнь испуганно дернул его за широкий рукав:

— Господин Фу, побойся неба! Пред тобой сам Сын Неба!

Очнувшись, Фу Исянь поспешно опустился на колени. Однако Чун И лишь досадливо зыркнул на слугу и проворчал:

— А тебя кто просил лезть с поучениями? Я всегда был и остаюсь старшим братом для Сяошаня.

Склонившись до земли, Фу Исянь чувствовал, как к горлу подступает комок. Услышав эти слова из уст новоявленного владыки Поднебесной, он попытался заговорить, но слезы перехватили дыхание.

Чун И пребывал в превосходном расположении духа. Пройдя в опочивальню больного, он ласково расспросил старого генерала о здоровье и настоял, чтобы тот не утруждал себя церемониями и ужином. Старый Фу Юаньтай, трепеща от столь великой милости, лишь кивал и шепотом наказывал сыну ни в чем не перечить высокому гостю.

Выйдя во двор, Чун И шутливо заметил, что весенний сад в усадьбе Фу превосходит красотой императорские парки, и твердо заявил, что останется здесь на ночь.

— Юаньчэнь, возвращайся во дворец и доложи матушке, чтобы прислали за мной карету только завтра утром, — распорядился император. — О моем приюте не беспокойся: в доме наставника мне ничего не грозит. Пожалуй, это единственное место во всем Тяньцзине, где я могу спать спокойно.

Видя непреклонность государя, Фу Исянь рассудил, что лишняя огласка этому визиту ни к чему. Он поспешил успокоить встревоженного евнуха:

— Почтенный Ван, возвращайтесь во дворец. Я лично присмотрю за Его Величеством, беды не случится.

Но Ван Юаньчэнь все медлил, не смея уйти. Чун И окончательно потерял терпение:

— Если продолжишь мозолить мне глаза, завтра же отправишься на Западные горы — охранять фамильные склепы!

Лишь тогда испуганный слуга отвесил глубокий поклон и поспешно ретировался.

Когда они наконец остались наедине, Фу Исянь невольно улыбнулся, вспомнив панический побег главного евнуха. Однако, обернувшись, он наткнулся на пристальный, пронзительный взгляд Чун И. В серебряном свете возшедшей луны глаза императора казались бездонными.

— Ваше Величество?... — тихо позвал Исянь.

— Сяошань, мы ведь не виделись целую вечность, — негромко отозвался тот. — Все эти годы в моей памяти жил лишь тот плачущий ребенок у дворцовых ворот, который умолял не забывать его.

Щеки Фу Исяня залил густой румянец. Он низко склонил голову:

— Детская глупость, государь. Ваша память ко мне — великая честь, повергающая меня в трепет.

Чун И шел к нему с открытой душой, желая вернуть былую теплоту, и столь холодный, почтительный ответ больно ранил его. Однако, поразмыслив, он понял: Исянь не имел чинов и званий, в то время как сам он восседал на драконьем престоле. Между ними пролегла непреодолимая пропасть, и вернуть беззаботное детство было уже невозможно. От этой мысли на душу молодого правителя навалилась тоска.

С тех пор как он взял в руки бразды правления, ему приходилось лавировать между тремя столпами империи. Принц Чжуан с каждым днем вел себя все более нагло и высокомерно. Великий генерал Фу Юаньтай, пускай и держал в узде армию, в столице предпочитал не высовываться и избегал открытых стычек со старым князем. Что же до начальника гвардии

Жуй Жуна, тот и вовсе вел двойную игру: на людях дрожал перед принцем Чжуаном, а под покровом ночи слал ему тайных гонцов. Доверять в этом змеином гнезде было некому.

Оказавшись в меньшинстве при дворе, Чун И уже потерпел несколько чувствительных поражений. Это уязвляло его гордость, но куда острее он ощущал нехватку преданных людей. С Фу Исянем они знали друг друга с пеленок. Старый генерал оберегал единственного, болезненного сына от придворной грязи: не пускал на государственную службу, позволяя лишь читать книги дома да путешествовать по Поднебесной. Благодаря этому Исянь вырос человеком блестящего ума и широких взглядов. Сегодняшний визит императора в поместье Фу преследовал лишь одну цель — переманить этого юношу на свою сторону.

Но Чун И не ожидал, что робкий, вечно шмыгающий носом Сяошань превратится в столь безмятежного и величественного книжника.

В наступившем молчании Чун И безмолвно созерцал фигуру друга. В неверном лунном свете Исянь казался совсем хрупким: узкие плечи, тонкие черты лица, бледная кожа. В нем не было воинской стати отца, но чистота взгляда и поразительное спокойствие придавали ему благородство, какого Чун И не встречал ни у кого при дворе.

Фу Исянь не догадывался о мыслях государя. Он покорно ждал, но затянувшаяся пауза и странный, лихорадочный блеск в глазах императора заставили его насторожиться. Он хотел было склониться в поклоне, дабы нарушить неловкость, но взгляд Чун И словно пригвоздил его к месту — юноша не мог пошевелить и пальцем.

Наконец император тяжело, сокрушенно вздохнул, и на ресницах его блеснули слезы.

— Сяошань... — тихо позвал он, и в голосе его прорезалась непритворная боль. — Ты ведь понимаешь, что я больше никогда не стану тем беспечным принцем, с которым ты играл в Императорском саду?

Слова императора, отказавшегося в этот миг от царственного «мы», отозвались щемящей болью в груди Исяня. Позабыв о сословных различиях, он осторожно коснулся локтя Чун И:

— Вашему Величеству не стоит так истязать себя. Государственные дела всегда запутаны, но у вас есть верные слуги, готовые разделить это бремя. Поначалу путь всегда тернист, но если двигаться шаг за шагом, во всем наведется порядок.

Чун И мысленно улыбнулся простоте его суждений, однако на лице сохранил прежнее скорбное выражение.

— Сяошань, в императорской семье нет места родственной любви. Отныне я обречен на одиночество на вершине власти, и рядом нет никого, кому я мог бы открыть душу. Глупцы завидуют величию Сына Неба, не зная, какая это ноша. Но видит небо, те дни, что мы провели вместе, были самыми счастливыми в моей жизни.

С этими словами он бережно сжал ладони Исяня в своих руках.

Молодого человека словно ударило током. Он всегда держался в стороне от придворных интриг. И хотя годы странствий укрепили его разум и подарили встречу со многими мудрецами, он оставался чист душой и не ведал коварных умыслов.

Внезапное появление императора, его доверительный шепот и это трепетное прикосновение лишили Исяня всякого самообладания. Словно замороженный, он послушно шел за Чун И, уводящим его в глубь сада. Все последующие слова правителя пролетали мимо его ушей. Исянь лишь замороженно смотрел на точеный профиль молодого государя, находя его пугающе прекрасным. Мысли его спутались в невообразимый клубок.

В конце концов, ему исполнилось лишь пятнадцать — откуда у него мог взяться опыт в подобных делах?

Шепот Чун И вывел его из оцепенения:

— Сяошань... Согласен ли ты?

Исянь вскинул голову и встретился взглядом с императором. В глубине этих темных глаз плескалась такая мольба, что у него перехватило дыхание. Чун И мягко, но настойчиво потянул его к себе, заключая в объятия, и прошептал прямо на ухо:

— Согласен ли ты остаться со мной? Пойдешь ли ты со мной до конца, Сяошань?

Минуют годы, прежде чем Фу Исянь вновь вспомнит ту ночь. Двое юношей под бледным светом луны, застывшие в объятиях друг друга среди засыпающего сада.

Один спрашивает: «Готов ли ты посвятить мне жизнь?» Другой в безмолвном согласии склоняет голову ему на плечо.

«Я буду оберегать тебя, Юаньшань. Но и ты взамен должен принадлежать мне без остатка».

<http://bllate.org/book/19874/2028482>